

К. Поппер и принцип эссенциализма.

Н.И. Фатиев, СЗИУ РАНХиГС

nikifor_pro@mail.ru

Раздел своей работы К. Поппер начинает поисками “аристотелевских корней” гегельянства. В чем состоят эти корни? Да, пишет К. Поппер, Аристотель не считал формы существующими отдельно от чувственных вещей. Но Аристотель заставляет чувственные вещи двигаться по направлению к конечным причинам или целям, а эти последние он отождествляет с их сущностями.

“Для Аристотеля всякое движение или изменение означало реализацию некоторых потенциалов или способностей, внутренне присущих сущности вещей” [1] [13] - пишет он. “К примеру, существенной потенцией куска дерева является то, что он может плавать в воде или гореть. Эти способности скрыты в его сущности, даже если этот кусок никогда не плавал и не горел. В соответствии с этим сущность, которая включает в себя потенциалы вещи, имеет сходство с внутренним источником изменения или движения” [1] [13]. Из Аристотелевского эссенциализма, по мнению К. Поппера, непосредственно следует три доктрины:

Мы можем узнать о социальных объектах лишь с помощью исторического метода. Последнее ведет к поклонению истории и восприятию ее как великого театра действительности и мирового суда. Сущность раскрывает себя в изменении. Изменение, раскрывающее скрытое в неразвитой сущности - единственный способ выявить потенциалы, с самого начала присущие развивающемуся объекту. Далее, анализируя аристотелевскую теорию определений К. Поппер называет ее эссенциалистской и делает неожиданно жесткий вывод: “Нет никаких сомнений, что все эти эссенциалистские воззрения находятся в вопиющем противоречии с методами современной науки” [1] [20].

Почему? Потому, что “в поиске истины мы заменяем научную достоверность научным прогрессом. Дело в том, что наука развивается не путем постепенного накопления энциклопедической информации, как думал Аристотель. Она прогрессирует благодаря смелым идеям, выдвижению все более странных теории и ниспровержению прежних теорий” [1] [21].

Далее К. Поппер повторяет основные выводы неопозитивизма в области научного познания: “В эмпирических науках, а только они и могут снабжать нас информацией о мире, в котором мы живем, вообще нет доказательств... А вот что здесь есть, так это опровержение научных теорий. Что же касается чистой математики и логики, которые допускают доказательства, то они не дают нам никакой информации о мире...” [1] [21] И далее он пишет о том, что эссенциалистическое воззрение на определения терпит крах, даже если оно не пытается установить “начало” нашего знания, как это было у Аристотеля, а только выдвигает более скромное требование “определять значение терминов”. Определения, согласно К. Попперу, нужны науке не для того, чтобы определять значения терминов, а с целью введения удобных сокращенных обозначений. Все определения можно опустить без потери имеющейся информации. Отсюда следует, что в науке все действительно необходимые термины должны быть неопределяемыми.

В общем понятно, что попперовская критика есть попытка расширить определенную научную методологию до вселенских размеров, подчинив ей все науки и прежде всего гуманитарные. Но, не трудно увидеть, что между эссенциалистической традицией и

попперовской позицией лежит приличная смысловая дистанция. Во-первых, в своем логическом аспекте сущность предмета статична. Дистанция между первой и второй или реальной и номинальной сущностями - это дистанция между миром и научной картиной мира. Как писал Е.К. Войшвилло: “Сущность предметов некоторого целого, выявленная на некотором уровне познания, является основой качественной специфики этих предметов, но лишь в той мере, в какой эта специфика нам известна на данном этапе познания” [2] [120]. Во-вторых, ощутимую “динамику” саморазвития сущность обретает в определенных системах спекулятивной метафизики, например, гегелевской диалектике. В-третьих, формулировки физических законов, то есть их определения содержат указания необходимых или существенных свойств объектов. Например, закон Паскаля. Вернемся к принципу эссенциализма. Его можно разделить на общий и индивидуальный. Общий можно охарактеризовать с помощью установленного Е.К.Войшвилло принципа отождествления объектов: “Можно считать предметы, встречающиеся в разных местах в разное время и различные в каких-то отношениях, “теми же самыми”... если они имеют установленные для данного класса существенные признаки” [2] [126]. Итак, перед нами уже не принцип отождествления неразличимых Лейбница, а принцип отождествления “существенно неразличимых”.

Помимо принципа отождествления, сущность как совокупность существенных признаков может обуславливать большинство, а в некоторых случаях (для абстрактных объектов) и все свойства объекта.

В отличие от схоластов, для которых логика и онтология совпадали в работе Е.К. Войшвилло они разводятся. Это очевидно из дальнейшего разговора о сущности, как пределе познания объекта на данном историческом этапе. Этот “диаматовский” аспект вопроса все мы проходили и не стоило бы на нем останавливаться, если только не увидеть свежим взглядом схожесть позиций В.И.Ленина о движении познания “от явления к сущности и от менее глубокой к более глубокой сущности”[3] [203] и Й. Бохенского: “Если присмотреться ближе к естественному способу исследования, то часто бросается в глаза что-то вроде стремления к некоторой, правда, недостижимой, существенной дефиниции. Ведь исследование проникает все глубже в структуру предмета”[4] [69]. Лучше всех по данному поводу высказался Ю.Н.Солонин отметив, что Философские стилистики дискурсов обоих течений также чрезвычайно родственны.

Литература.

1. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т.1 М. 1992.
2. Войшвилло Е.К. Понятие как форма мышления. М.1989.
3. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.29.
4. Bochenski S.M. Die zeitgenossischen Denkmethode. Bern.1959.